

ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена повседневности купечества в XIX в., которая, как и всякое бытие, имеет пространственное измерение. Пространство повседневности купечества включало в себя прежде всего жилище, отличавшееся крупными размерами и рациональностью. Пространство повседневности купечества неотделимо от заполняющих его вещей, которые содержали много культурных и исторических смыслов.

L. Lerner

EVERYDAY LIFE SPACE OF THE MERCHANTRY IN THE 19TH CENTURY

The article covers the theme of the merchantry's daily routine in the 19th century, which has a spatial dimension, being an integral part of any existence. First of all, everyday life space of the merchantry included dwelling, which was sufficiently large and rationally organised. Furthermore, the merchantry's daily routine comprised items and objects bearing a great cultural and historical potential.

Пространство повседневности — это место, территория, где протекает повседневная жизнь. Пространство повседневности

имеет три модуса: физическое пространство, пространство перцептуальное и пространство концептуальное (или куль-

турное). Физическое пространство повседневности центрировано. Его центром является жилище, дом. Это основное место, locus, территория, главная сцена, на которой вершится драма повседневной жизни. Именно границы жилища делят пространство повседневности на внутреннее и внешнее¹.

Через устройство жилища проявляется то, что П. Бурдые обозначил термином habitus, обратив внимание на то, как пространство связано с социальными процессами и человеческим опытом, объективирующимся в реальном физическом мире².

Место жилья в городе, строительные материалы, поведение людей как застройщиков, собственников, жильцов, соседей; декор и его функции — все это можно назвать невербальным языком повседневности, который отражает особенности эпохи, специфику жизненного уклада и ценностных ориентиров владельцев жилого помещения. Задачей нашего исследования является создание перечислительно-описательного «портрета» жилища регионально-го купечества XIX в. на примере Курской губернии.

О жилищах купцов Курской губернии второй конца XIX в. мы узнаем из материалов, хранящихся в фондах Курского губернского архитектора, городских дум и сиротских судов, а также из периодической печати. Полнота сведений, представленных в этих фондах, различна. В одних случаях постройки только упомянуты, в других — кратко говорится о материале и конструкции этих построек, в третьих — находим сведения, по которым можно восстановить детали конструкции и интерьера купеческих жилищ.

Купечество внесло значительный вклад в формирование облика городов Курской губернии. Еще в конце XVIII в. купеческие дома составляли 27,5% общего числа существующих в Курске частновладельческих зданий и 40% (с учетом строящихся домов) общего числа существующих каменных строений³.

Собственный дом занимал особое место в жизни купечества. Для владельца он был не просто жилищем, а символом богатства и даже мерилom общественного положения.

Среди горожан престиж владения каменным домом был чрезвычайно высок, к тому же свидетельствовал о финансовом благополучии его владельца. Поэтому состоятельные купцы имели, как правило, каменные, чаще всего двухэтажные особняки, находившиеся часто на главных городских улицах. Примером могут служить план и фасад дома курской купчихи К. В. Гнучевой, находившегося по московской улице под № 237 и проект каменного двухэтажного дома и лавок белгородского купца Г. И. Муромцева в первом квартале, четвертой части под № 1, хранящиеся в фонде курского губернского архитектора⁴.

Однако встречаются упоминания, относящиеся к первой половине XIX в., о существовании и трехэтажных каменных купеческих домов. В фонде Рыльской городской думы сохранились прошения почетной гражданки города Рыльска второй гильдии купеческой жены Е. К. Шелиховой и Рыльской второй гильдии купеческой жены У. С. Аристарховой об оценке их домов. В оценочных описях упоминаются принадлежащие им трехэтажные дома на углу улиц Дмитриевской и Селикой и по улице Выходцовой под № 24⁵.

Дома, принадлежавшие крупному купечеству, помимо значительных размеров выделялись своей архитектурой. Они отличались нарядными фасадами с богатым декором и своим обликом заметно украшали и оживляли улицы Курска. Среди таких домов следует прежде всего назвать хорошо сохранившийся дом Гладковых по улице Сергиевской и Троицкой с балконом и красивой мелкой лепниной. Или дом купца С. П. Сыромятникова, в котором в конце XIX в. размещался городской Общественный — Филиппова банк. Фасад этого здания был богато украшен лепными цветочными гирляндами, затейливыми

оконными наличниками и другими декоративными деталями⁶.

Купечеству принадлежали также одноэтажные каменные и деревянные⁷ дома. Типичным примером здесь может служить дом Семенова на Нижней Лазаретной улице. Это был одноэтажный дом с полуподвальным цокольным этажом, имеющий мезонин с двумя небольшими балконами, глядевшими на запад и на восток.

Однако преобладали здания деревянные на каменном фундаменте.

Купеческие дома были многокомнатными. На первом этаже обычно располагалась кладовая, кухня, сени, помещение для прислуги, иногда несколько жилых комнат. На втором этаже проживал хозяин с семьей.

Нужно отметить, что купеческая семья не обязательно проживала в одном здании. Некоторые имели несколько домов. Так, например, в «Списках домовладельцев Обояни за 1897 г.» под № 33 упоминается «дом каменный двухэтажный с таковым же одноэтажным надворным строением и надворными постройками», оцененный в 3800 руб. и принадлежащий купеческому сыну В. Я. Абакумову. А под № 34 «его же Абакумова двухэтажный дом каменный, а верх деревянный», оцененный в 2500 руб.⁸

Владельцы нескольких домов сдавали их внаем различным лицам и учреждениям. Так, в доме купца Новосильцева по Юрьевской улице располагалось второе приходское городское мужское училище, а позже там же открылась воскресная мужская школа. Здесь также принимала пациентов зубной техник Ф. Козакова. Местом религиозно-нравственных чтений, проводимых Грайворонским городским комитетом в 1894 г., стал дом купца К. Л. Болдырева, на наем которого городской думою ассигновано было 100 руб.⁹ Курские губернские ведомости пестрят объявлениями, авторы которых предлагают обращаться за обещанными товарами и услугами в дом купца Пятова, Дубровского и др.¹⁰

Сохранился рапорт от командира 23-го пехотного резервного батальона подполков-

ника Рогова о найме для размещения вверенного ему батальона здания, принадлежащего белгородскому первой гильдии купцу В. М. Мачурину, на три года по 3900 руб. в год¹¹.

Интерес представляет расписка о том, что обоянскому купеческому сыну И. Н. Токареву за наем у него дома под помещение Гаупвахты резервных эскадронов Ольвиопольского и Вознесенского уланских полков 150 руб. выдали, а 32,5 руб. серебром нет, так как купеческий сын И. Н. Токарев волею Божию умер¹².

Сдавались дома полностью или частично внаем не только учреждениям, но и частным лицам. Мещанин А. В. Шувалов, квартировавшийся в доме А. А. Гладковой, состоящем в городе Курске в первой части под № 5, за одну комнату в нижнем этаже платил ежемесячно пять рублей серебром и был обязан выполнять следующие правила проживания: посторонних лиц для жительства не пускать, в зимнее время возвращаться домой не позже 6 часов пополудни, позже этого времени ворота и калитка отперты не будут¹³.

Предъявляя столь строгие требования к квартиросъемщикам, купцы сами не всегда выполняли взятые на себя обязательства. С 1862 г. Курская семинария располагалась в доме Морозовых и в течение четырех лет терпела крайние неудобства вследствие несоблюдения контрактных условий со стороны владельцев дома. Например, в мае 1864 г. училищное начальство жаловалось, что «братья Морозовы, сдавшие свой дом под духовное училище за 1000 руб. в год обязались по контракту весь ремонт по дому производить на свой счет, между тем, несмотря на это обязательство, Морозовы содержат свой дом в самом грязном виде и никаких почти ветхостей по дому не исправляют»¹⁴. Подобными жалобами наполнены все представления училищного начальства семинарскому правлению о благосостоянии училища.

Видимо, сдача домов в наем являлась не последней статьей доходов купечества.

Каждый домовладелец обязан был мостить и содержать в исправности мостовую перед своим владением. За степенью этой исправности следила местная полиция. Сохранилась «повестка домовладелице купчихе А. А. Гладковой от пристава» следующего содержания: «Мостовая против дома Вашего на Сергиевской улице испорчена и требует перемощения» необходимо приступить к исправлению мостовой, начав такое с 30 мая и окончив 8 июня сего года, иначе взыскания в виде штрафа¹⁵. В фонде Гладковых эта повестка не единственная.

Крупному купечеству принадлежали и целые усадебные комплексы, совмещающие жилые дома, лавки, магазины и различные хозяйственные строения (навесы, амбары, склады и т. п.). Так, например, усадьба белгородского купца Д. Канина включала людскую избу, амбар, погреб, ледник и сарай. А усадьба курского купца Н. П. Левашкевича представляла из себя «длинный глубокий двор с удобным размещением пекарни, складов и жилой двухэтажной части, выходящей на юг»¹⁶.

Сохранившиеся чертежи позволяют предположить, что преобладала свободная планировка усадьбы, с несомкнутыми, не связанными домом дворовыми постройками. Описания дворов особо отмечают связь построек, а в большинстве случаев ограничиваются их перечислением. Ограждал усадьбу забор, а для входа и выхода устраивались ворота и калитка.

Для примера рассмотрим купеческую усадьбу Рыльского купца А. А. Харланова, расположенную во второй части г. Рыльска на Глуховской улице, под № 1137. Усадебное место занимало площадь 27x19 саж. На этом месте находился каменный двухэтажный дом, крытый железом (13x15,5 арш.). В нем на первом этаже две комнаты, кухня и кладовая, на втором этаже — четыре комнаты, две печи голландские. При доме деревянная галерея, на половину застекленная с парадной входной дверью и лестницей, каменный одноэтажный амбар с под-

валом под ним, сарай шелевочный, шелевочная трепальня, навес для весов на деревянных столбах под железной крышей¹⁷.

Характерной чертой купеческих усадеб было сочетание деревянных и каменных построек. Однако здесь существовали определенные правила, которых следовало строго придерживаться. Сохранился план усадебного места курского второй гильдии купца М. М. Ерофеева 3-й части 2-го квартала под № 20 с показанием предполагаемых к переустройству каменных служб. На проекте надпись «курсское губернское правление показывает, что предполагаемая Ерофеевым постройка каменных служб не может быть дозволена в том виде, как спроектировано на плане, потому что не имеет узаконенных разрывов от существующих деревянных построек»¹⁸.

Важную принадлежность купеческой усадьбы составляла баня¹⁹. Собственная баня в этот период являлась как бы признаком зажиточности, респектабельности. Иметь ее было весьма престижно. «В публичные бани порядочное семейство не ходит, — писала о Курске исследовательница русского быта К. А. Авдеева, — у всех — домашние; приглашают попариться знакомых, иногда бедных»²⁰.

Во второй половине XIX в. у богатых купцов появляются загородные имения. Сборник статистических сведений за 1883 г. содержит статистико-экономические таблицы по частно-владельческим хозяйствам Курского уезда. В числе имений, ведущих хозяйство, площадью свыше 50 дес. 3,5% принадлежит купечеству. Цифра, конечно, невелика, но занятие сельским хозяйством и не являлось сферой интересов купечества и имения использовались ими большей частью для нужд собственного бизнеса.

Например, купец Н. Е. Филимонов имел в 20 верстах от Рыльска имение с количеством земли 756 дес. 964 саж. Сюда входила распашная земля, сенокос, лес, фруктовый сад. В имении находился деревянный дом из рубленого леса, обставленный согласно последним веяниям моды. Кроме

того, крупорушка, три амбара, два сарая, конюшни, скотный двор, молотильные машины²¹.

Поведение купечества в своих владениях нередко вызывало нарекания соседей. Сохранилась жалоба отставного капитана Н. З. Малявина на старооскольских купцов Стефана и Василия Кобозевых, которые самовольно перепрудили один из притоков реки Оскол ниже своей мельницы. Тем самым незаконно лишили воды всех владельцев, имеющих земли по берегам реки в Боровской даче²².

Жилище как центр повседневной жизни представляет собой фрагмент, часть природного пространства и заполнено явлениями неорганической природы, представителями флоры и фауны, совокупностью творений человеческих рук, «второй природы» и людьми. Из всех «заполнителей», обитателей пространства повседневности наибольшую культурную нагрузку несут вещи и люди.

Вещь (предмет) — отдельная, автономная, оформленная часть второй природы, культуры. Вещь материальна, но всегда несет в себе множество культурных смыслов. Ее можно рассматривать как продолжение, вынесение вовне, воплощение телесных функций и душевных качеств человека, его способностей, идей, представлений и т. д.

Основной признак повседневной вещи — ее утилитарность. Возможность практического применения, использования, способность делать какую-то полезную работу — основной критерий ее ценности. Но не единственный. Бытовая вещь полифункциональна и полисемантична. Среди ее возможных функций — мемориальная, сакральная, эстетическая, престижная, социально-статусная. Набор функций, их соотношение, доминирование одной из функций определяются общей, эпохальной, конкретной исторической и данной конкретной, сиюминутной ситуацией.

Обратимся к предметному миру, окружавшему купеческую семью в повседневной жизни. Как свидетельствуют описи

купеческих имений конца XIX в., интерьер многих купеческих домов носил традиционный характер. Обязательной его составляющей был красный угол, унаследованный городским жилищем еще от крестьянской избы. «Образа» перечисляются в описях сразу после оценки «хоромого строения».

Причем, чем богаче был купец, тем большее количество икон находится у него в доме. Так, в описи имущества купеческого сына Немцева упоминается 4 иконы, а у купца Н.Е. Филимонова только в одном доме в городе Рыльске находилось 7 икон на первом и 5 на втором этаже. Наряду с иконами в «крестьянских» окладах из фольги, в описях присутствуют «образа в серебряных вызолоченных ризах».

Возможно, количество «образов» в доме являлось одним из показателей богатства купца. В связи с этим большой интерес вызывает опись имущества Рыльского купца И. С. Абашева, которая включала лишь одну икону и портрет государя императора в золотой раме.

В обстановке купеческого дома конца XIX в. нередко сочетались традиционные и современные предметы интерьера. Так, например, в описи имущества, оставшегося после смерти купца А. А. Харламова, упоминаются наряду с железным сундуком, простыми деревянными стульями и столами, железной кроватью и рогожным матрасом большое зеркало в раме, настенные часы в футляре, лампа с абажуром матового цвета.

В этой описи особое внимание обращает на себя двустольное ружье и два револьвера центрального боя. Если ружье использовалось для охоты, то револьверы, тем более два, могли быть предназначены только для дуэлей. Трудно сказать участвовали ли представители семьи Харламовых в дуэлях, но обладание подобными предметами является попыткой копирования элементов дворянского образа жизни.

Еще одной характерной чертой купеческого жилища являлось наличие большого количества мебели. Причем, если в домах

купцов среднего достатка наблюдается сочетание предметов простой деревянной железной и современной мебели, то в домах состоятельного купечества присутствуют лишь предметы современной обстановки. Так, в доме купца Филимонова находилось 16 венских стульев, стол преддиванный овальный, 4 мягких кресла, мягкий диван орехового дерева, обитый малиновым шелком, 20 полукресел орехового дерева, обитых шелковой материей, мраморный рукомойник, гардероб, комод²³.

В наиболее солидных домах частью интерьера были голландские печи. В других случаях они устраивались, по-видимому, только в одной из комнат.

Показателем достатка купеческой семьи являлось обладание драгоценностями. И если купец не имел подлинных ювелирных изделий, то для поддержания статуса приобретал «золотые часы ремонтуар о трех крышках без пробы с золотою дутою цепочкой и брелоком» и «золотой перстень без пробы с девятью бриллиантовыми камнями».

Таким образом основной чертой интерьера купеческого дома в конце XIX в. была его традиционность и утилитарное назначение большинства имеющихся в доме предметов, что, видимо, отражало отношение купечества к миру вещей — ценно то, что имеет практический характер, без чего нельзя обойтись в повседневной жизни. Отличительной чертой интерьера богатого купеческого дома в конце XIX в. было то,

что наряду с предметами, наличие которых было обусловлено ежедневной бытовой необходимостью, появляются вещи, не имевшие прямого хозяйственного назначения, а призванные украсить жилище. Это бисерные и шитые гарусом картины, олеографии в рамках и даже фотографический снимок железнодорожных служащих²⁴.

Как видим, купеческие строения второй половины XIX в. отличаются крупными размерами и рациональностью, что во многом обуславливалось функциональными потребностями зданий. Этой же причиной объясняются и довольно частые перестройки, осуществляемые в купеческих усадьбах.

Внешние формы быта провинциально-го купечества устойчиво сохраняли формы, восходящие к зажиточному крестьянству. Это выражалось прежде всего в сохранении «красного угла» как основного элемента интерьера.

Добротные и основательные постройки купцов подчеркивали своеобразие купеческого быта, который во многом сохранял черты патриархальности и консерватизма. В этих жилых и производственных помещениях формировались такие качества купцов, как ответственность родителей перед своими потомками, так как здания строились не только для себя, сколько для наследников, и рассчитаны были на века, стремились выделиться среди других величиной, качеством и добротностью постройки, уважением к человеку, который будет жить и работать в доме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лелеко Д. В. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. — СПб., 2002. — С. 4–5.

² Кулакова И. История московского жилья // Лукоморье. — 2007. — 28 августа. — С. 3.

³ Описание курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце, собранное С. Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором // Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. — Курск: Тип. губ. правл., 1893. — С. 19–72.

⁴ Государственный архив Курской области. Ф. 325. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.

⁵ ГАКО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 219. Л. 6,45.

⁶ См.: Степанов В. Уродца, жаль, не спрячешь // Курская правда. — 1997. — 26 февраля.

⁷ См., напр.: Курские губернские ведомости. — 1858. — 29 марта. — № 13. — С. 73.

⁸ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 150. Л. 13об.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

---

⁹ См.: Отчет совета Курского епархиального братства... // Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 5. – С. 1092.

¹⁰ См, напр.: Курские губернские ведомости. – 1846. – № 44. – С. 925.

¹¹ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1639. Л. 1.

¹² См.: Там же. Д. 1856. Л. 1.

¹³ См: ГАКО. 724-1-98. Л. 13–13об.

¹⁴ Духовные школы Курско-белгородской епархии (1839–1867) // Курские епархиальные ведомости. – 1896. – № 5. – С. 94–95.

¹⁵ См.: ГАКО. 724-1-98. Л. 1.

¹⁶ *Левитский О.* Левашкевича окно еще огнем озарено // Просторы России. – 1998. – № 11. – С. 12.

¹⁷ См.: ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 147. Л. 11–12.

¹⁸ ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 151.

¹⁹ См.: ГАКО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 119.

²⁰ *Авдеева К. А.* Записки о старом и новом русском быте. – СПб., 1842. – С. 175–176.

²¹ См.: ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 19. Л. 13об–14.

²² См.: ГАКО. Д. 1. Оп. 1. Д. 1201. Л. 1.

²³ См.: ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–15об.

²⁴ См.: ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 47. Л. 9об–15об.